

ТАКИМ МЫ ЕГО ПОМНИМ...

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. КАЧАЛОВА

Сегодня исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося русского актера Василия Ивановича Качалова — создателя замечательных образов на сцене Московского художественного театра, с которым он был связан в течение почти полувека.

Сценическое обаяние В. И. Качалова, силой которого он, по выражению К. С. Станиславского, побеждал людей всего мира, оставило неизгладимое впечатление на всех, кто видел его на сцене. Сегодня делятся своими воспоминаниями о встречах с В. И. Качаловым народные артистки СССР Верико Анджапаридзе и Сесилия Такашвили.

ним из самых пленительных явлений нашего театра, который украшал советское искусство и сосредоточил в себе, как в фокусе, лучший порыв и стремление своего века.

Я хочу рассказать о трех встречах с Качаловым. Впервые я увидела его в тургеневском спектакле в Москве. После спектакля у выхода собралась большая толпа молодежи. Мы дошли до угла Кузнецкого, и тут он остановился. Ему преградили дорогу, его не отпускали. Кто-то сунул ему в ру-

ки карандаш, и к нему потянулись десятки рук с его фотографиями. Он, смеясь своим раскатистым и звонким смехом, подписывал их. Я стояла рядом, карточки у меня не было, но я смотрела на него — такого красивого, большого, роскошного — и глаз не могла оторвать. Вдруг его взгляд остановился на мне: «А у вас нет карточки? Вы что дрожите, деточка, вам холодно? Идите, идите, я вас согрею». — он распахнул свою шубу, и я очутилась под его шубой. Разве можно описать, что

тогда испытывала я, ученица драматической школы, которая мечтала стать артисткой, которая смотрела спектакли МХАТа, боясь дышать, которой казалось, что там, за занавесом, живут и действуют особенные люди — какие-то чародеи — и он, Качалов, среди этих особенных был самым особенным. Как долго это продолжалось, не знаю, но мне казалось, что вся моя жизнь сосредоточилась здесь, под этой шубой. «Ну что, согрелись, вот и хорошо. Ну, теперь бегите. Вам тепла хватит до дому», — и он ушел. А то тепло и сейчас еще греет меня.

Мы еще долго стояли и смотрели ему вслед. У одних были карточки, подписанные Качаловым. У меня ее не было, но я была счастливее них, потому что я целовала его пиджак. Тогда мне было 16 лет. С тех пор прошло много времени. Мы с ним стали большими друзьями. И вот в годы Великой Отечественной войны в Тбилиси приехали дорогие гости — мастера МХАТа во главе с Владимиром Ивановичем Немировичем-Данченко. Много высокого наслаждения получил от их вечеров тбилисский зритель. Василий Иванович мне предложил в его творческом вечере выступить с ним в отрывке из «Ричарда III» Шекспира. Я удивилась и испугалась, не дала ответа. Выступить с ним, с Качаловым, вести диалог на русском языке? Но ведь это безумие. Равно-

го ему мастера русского слова нет. У него совсем особенная музыка речи — а я, грузинская актриса, со своей гортанной русской речью... Нет, конечно, нельзя. Я провалялась, я оскандалила — но тут же я прерывала себя — а какое счастье стоять с ним рядом на одних подмостках, вести с ним, Ричардом, диалог Анны, как страшно и как заманчиво, трудно отказываться от такого наслаждения. Настал вечер концерта. Я страшно нервничала, опоздала к началу. Пришла к антракту, а следующее отделение — началось нашим выступлением. Василий Иванович встретил меня, взволнованный моим опозданием. «Как я волновался, Верико. Вы знаете, ваши друзья меня уверяли, что вы струсили и не придете. Вам нечего волноваться. Вы же замечательно читаете, поверьте мне, гораздо лучше меня». Он сам торжественно меня объявил. Я вышла на сцену, начала монолог и сразу успокоилась. Но когда я услышала Василия Ивановича, я поняла, что он волновался.

Он ходил вокруг меня, и я чувствовала, что все его внимание было направлено на меня — обо мне он думал, за меня волновался, что даже текст свой забыл, у меня, кажется, руки дрожали. Это говорил мне великий мастер сцены. Как это было удивительно мне слышать и как понятно. Он сердцем жил и потому проник в глубины искусства театра.

Прошли годы, и я навестила его уже больного в Барвихе. Он лежал в постели, такой же красивый, как всегда, его прекрасную голову украшал черный бархатный берет, сверкали белозубой отвороты рубахи. Я смотрела на него — он так был похож на своих героев. Перед моими глазами пропел длинный ряд незабываемых образов. Нет, это не был человек, пораженный страшной болезнью, это был вдохновенный художник, такой же пламенный, как всегда. В его глазах светилась все та же любовь и вера в дальнейший расцвет дорогого, как жизнь, театра. Он читал нам стихи о Кавказе, и голос его все так же звенел, глубоко и проникновенно. Таким я его сохраняю в памяти всю свою жизнь.

Его искусство бессмертно, и вдохновенный образ его будет передаваться, как легенда, из поколения в поколение.

Верико АНДЖАПАРИДЗЕ,
народная артистка СССР.

ШКОЛА МАСТЕРСТВА

В 1925 году МХАТ приезжал на гастроли в Тбилиси. Будучи гимназисткой, я со своими подругами шла по Головинскому проспекту. Тогда впервые в жизни я увидела Качалова, который для нас был и остался особым явлением какого-то внутреннего значения и большой красоты. Я издала следя за его стройной фигурой, за его молодой походкой и думала — вот Качалов, человек величайшего изящества и благородства. Мы не выдержали, очень волнуясь, подбежали к нему, поздоровались.

Все спектакли с его участием я смотрела с галерки, и мне хотелось, чтобы весь зрительный зал знал, что я с ним лично знакома. Меня поражал его исключительный голос — металл, бархат. Я слушала нескончае-

мые вызовы, восторженные возгласы публики. Какое счастье видеть на сцене такие образцы творчества, высокого мастерства!

Вторая встреча состоялась уже во время Великой Отечественной войны. МХАТ эвакуировался в Тбилиси. Верико Анджапаридзе устроила у себя вечер, пригласив мхатовцев, наших актеров, людей искусства. Напротив меня оказался Качалов, мой старый знакомый. Он, конечно, меня не узнал. Откуда? До самого утра Василий Иванович читал Блока, Есенина, а мы слушали, затаив дыхание, совершенно захваченные им.

В Концертном зале им. Руставели состоялся творческий вечер Качалова. Верико Анджапаридзе выступала вместе с ним. Они читали из «Ричарда III» сцену Анны и Ричарда. Это был триумф двух больших актеров.

Видеть на сцене такого выдающегося мастера, как Качалов — это большое счастье, но это и школа мастерства, творчества для каждого актера.

Сесилия ТАКАШВИЛИ,
народная артистка СССР.

НА СНИМКЕ: В. И. Качалов.

ВДОХНОВЕННЫЙ,
ПЛАМЕННЫЙ
ХУДОЖНИК

Прошло много лет, с годами меняются течения в искусстве, приходят в театр чудесные актеры, но неизменно-прекрасной живет память о великом актере Качалове, который любил искусство идейно, чисто и бескорыстно, который был од-